

С.М. Гершензон

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЫСЕНКОВЩИНЕ

Впервые я увидел Т.Д.Лысенко во время его посещения Института генетики АН СССР в начале 1936 г., где я в то время работал в лаборатории крупнейшего американского генетика Г.Меллера, впоследствии лауреата Нобелевской премии, приглашенного в Институт генетики его директором академиком Н.И.Вавиловым. Карьера Лысенко была в то время на подъеме: после его выступления на I съезде колхозников-ударников он стал пользоваться большим авторитетом у Сталина, похвалившего это выступление. Лысенко пожелал ознакомиться с деятельностью Института генетики, Вавилов дал на это согласие, и визит этот состоялся. После краткого рассказа о задачах и направлениях научных исследований института Вавилов провел Лысенко по всем лабораториям, и в каждой ее руководитель сжато знакомил Лысенко с тематикой лаборатории и основными полученными результатами.

Пришли они и в лабораторию Меллера, носившую название Лаборатория природы гена. Меллер кратко рассказал о целях работы и основных выводах, сделанных сотрудниками лаборатории из своих опытов, объектом которых служила дрозофила (речь Меллера попутно переводил ему Вавилов). Меллер, хотя и старался говорить возможно популярнее, употребил термины "транслокация" и "кроссинговер". Лысенко прервал Меллера и просил объяснить ему, что значат эти неизвестные ему слова (такое невежество в элементарных понятиях генетики поразило меня и всех других сотрудников лаборатории, состоявшей исключительно из молодежи). Вавилов ответил Лысенко, что транслокация — это обмен участками негомологичных хромосом, а кроссинговер — это обмен участками гомологичных хромосом, т.е. принадлежащих одной паре. Последовало замечание Лысенко, так изумившее меня, что я запомнил его буквально дословно. Он сказал: "Не вижу никакой разницы между этими двумя событиями. Впрочем, это совершенно неважно. Ведь хромосомы — это маленькие обломки ядра, возникающие в клетке при ее делении; в покоящейся клетке, то есть на протяжении всей ее жизни, их там нет и в помине; это особенно убедительно доказал киевский ученый С.В.Черноярков. Да эти тельца, хромосомы, имеются далеко не во всех делящихся клетках и не у всех организмов; многие обходятся вовсе без них. Поэтому вся эта хромосомная эквилибристика, выдуманная буржуазными учеными и повторяемая некоторыми нашими, не имеет и не может иметь никакого значения для наследственности и изменчивости".

Следующая моя встреча с Лысенко произошла немногим позже, тоже в начале 1936 г., в большом зале Московского Дома ученых, где под председательством главного редактора журнала "Под знаменем марксизма" М.Б.Митина была организована дискуссия по вопросам генетики. Основной блестящий часовой доклад о важнейших достижениях генетики, ее значении для эволюционного учения,

понимания природы генетического аппарата организмов, закономерностей наследственности и изменчивости, практического значения для сельского хозяйства и медицины, опровержения генетикой расистских теорий сделал Меллер. Доклад он дела по-английски, а я, стоя рядом с кафедрой, дословно переводил его для переполнившей зал аудитории, состоявшей в основном из биологов московских институтов, МГУ, сотрудников медицинских институтов, небольшого числа философов и представителей прессы.

Вслед за Меллером с большой, примерно 40-минутной речью выступил Лысенко. Насколько я знаю, это было первое его публичное изложение всей совокупности своих антигенетических взглядов. В основном речь его состояла из голословного отрицания всего, что сделано генетикой. Он утверждал, что фундаментальные положения генетики — "гороховые законы" Менделя, хромосомная теория наследственности, учение о мутациях — представляют умозрительные концепции, не опирающиеся на факты и ни в малейшей степени не отражающие действительности; генов не существует, это миф, выдуманный идеалистами. Затем он остановился на своей приверженности ламаркистской теории наследования приобретенных признаков, т.е. изменений (модификаций), вызываемых в теле организма упражнением и не упражнением органов, характером пищи или голоданием, воздействием температуры или света. Лысенко восхвалял предложенный им способ направленной переделки сортов растений воспитанием, заявил об ошибочности дарвиновского учения о естественном отборе, высказал свое мнение об ошибочности дарвиновской теории естественного отбора. Он заявил, что идеалистическая менделевско-моргановская генетика абсолютно бесплодна в практическом отношении, она ничего не дала и не может дать практическому растениеводству и животноводству. Закончил Лысенко свое выступление заверением, что развиваемая им "подлинно научная передовая генетика мичуринского толка уже дала большие практические результаты и, несомненно, даст еще больше в самое ближайшее время".

Насколько я помню, из-за позднего времени потом было только два выступления: А.Р.Жебрака, рьяно, но не особенно убедительно защищавшего генетику (чем вызвал критическую оценку, потихоньку данную его выступлению Вавиловым, рядом с которым я сидел после того, как кончил переводить доклад Меллера), и председательствовавшего Митана, который похвалил Лысенко и умолчал о докладе Меллера.

На следующие утро Вавилов созвал у себя в кабинете научных сотрудников Института генетики, гневно, с возмущением рассказал об агрессивной и безграмотной вчерашней речи Лысенко и призвал нас, а через нас и всех советских генетиков объединиться и всеми силами бороться с невежественными бреднями Лысенко, дабы оградить советскую генетику от вреда, который они могут ей нанести. В этот день возник для меня новый облик Вавилова — страстного, вдохновенного трибуна, бесстрашного борца за истину. На всех нас эта его речь произвела потрясающее впечатление.

За этой дискуссией последовали еще две такого же рода: первая — осенью 1936 г. в ВАСХНИЛе; вторая — в 1939 г., снова устроенная редакцией журнала "Под знаменем марксизма". Я на них не присутствовал: во время первой был в командировке, а в 1939 г. меня уже не было в Москве (летом 1937 г. я переехал в Киев). Знаю только по рассказам коллег и по опубликованным отчетам, что на этих дискуссиях в защиту генетики выступали Н.И.Вавилов, Н.П.Дубинин, А.Р.Жебрак, но преобладали сторонники Лысенко, возглавляемые им самим.

Следующая моя встреча с Лысенко произошла в конце 1937 г., когда я уже работал в Киеве, куда переехал из Москвы по приглашению вице-президента АН УССР А.А.Сапегина и где стал заведующим незадолго до этого организованным отделом генетики Института зоологии АН УССР (должность эта освободилась вследствие ареста И.И.Агола, ее занимавшего). Одновременно по рекомендации директора Института зоологии АН УССР, а также профессора Киевского универ-

ситета И.И.Шмальгаузена я был приглашен ректором этого университета возглавить кафедру дарвинизма и генетики. Осенью того же года в Киев приехал Лысенко и выступил на собрании Отделения биологических наук АН УССР с докладом об актуальных проблемах эволюционного учения.

В этом докладе, собравшем многочисленную аудиторию, Лысенко основное место уделил критике Дарвина. Признавая большую заслугу Дарвина, доказавшего реальность эволюции, докладчик сказал, что нельзя закрывать глаза на существенные ошибки Дарвина в некоторых важных вопросах. Во-первых, это его утверждение о большом значении внутривидовой борьбы за существование. В действительности же, сказал Лысенко, никакой внутривидовой борьбы в природе нет и Дарвин не смог привести ни одного убедительного доказательства ее. Во-вторых, Дарвин построил свою теорию о ведущей роли в эволюции естественного отбора на убеждении, что отбор оперирует главным образом с наследуемыми "неопределенными" изменениями, причины которых неизвестны, но которые постоянно возникают у растений и животных. А докладчик утверждает, что главной движущей силой эволюции служит не естественный отбор, а прямое приспособление организмов, т.е. наследование приспособительных изменений, вызываемых в теле организма непосредственным воздействием среды: характером пищи, теплом и холодом, влагой и засухой, упражнением и неупражнением органов; в практике же сельского хозяйства новые сорта растений и пород животных выводились главным образом посредством воспитания, а не отбора. И наконец, Лысенко сказал, что не согласен с мнением Дарвина о том, будто видообразование идет постепенно, мелкими шагами. Напротив, в ряде случаев наблюдается совсем внезапное порождение одного вида другим вследствие зарождения в особях старого вида зачатков нового; это известно и у растений, и у животных.

В последовавшем обсуждении одни киевские биологи критически оценили высказывания докладчика; другие в более мягкой форме высказали сомнение в правильности некоторых положений доклада. Но были и безоговорочные заявления о правоте взглядов Лысенко по эволюционным вопросам, особенно горячо их защищала заведующая кафедрой биологии Киевского медицинского института К.Ю.Кострюкова. Я возражал всем антидарвиновским нападкам Лысенко и сделал это в довольно резкой форме, со рвением, свойственным молодежи (я был самым молодым из участников обсуждения). Этим выступлением я, конечно, очень настроил Лысенко против себя, что сыграло большую роль в последующей судьбе моей первой докторской диссертации. Расскажу об этом, так как это может служить иллюстрацией того, как в те годы относились к генетике руководящие наукой инстанции, действовавшие полностью в духе тогдашних газетных и журнальных публикаций, безудержно восхвалявших Лысенко и все более грозно громивших менделистов-морганистов.

В конце 1936 г., работая еще в Институте генетики АН СССР, я закончил подготовку докторской диссертации, посвященной изучению генетической структуры гетерохроматического участка X-хромосомы дрозофилы. Работа эта была в значительной мере новаторской: тогда считали, что гетерохроматические участки хромосом не содержат генетически существенного материала, почему их именовали генетически инертными; мне же удалось впервые показать, что гетерохроматический участок хромосомы состоит из нескольких функционально различных частей разной протяженности, и составить генетическую карту их местоположения. Эту диссертацию я защитил на заседании ученого совета Института генетики АН СССР, проходившем под председательством Н.И.Вавилова; оппонентами были выдающиеся генетики А.С.Серебровский, М.С.Навашин и Дончо Костов (из Болгарии). Диссертация была единогласно поддержана и, как положено, передана для утверждения в ВАК СССР. Не дожидаясь решения ВАКа (а что оно будет положительным, я не сомневался), летом 1937 г. я, как было уже сказано, переехал в Киев.

Примерно через три месяца после описанного выше доклада Лысенко на собрании Отделения биологических наук АН УССР я получил вызов в Москву на заседание пленума ВАКа. Вместе со мной туда был вызван из Ленинграда Ю.И.Полянский, назначенный ВАКом экспертом по моей диссертации и давший на нее положительный отзыв. Затем произошло фарсовое заседание пленума ВАКа. Меня посадили в комнату рядом с залом заседаний, а в зал был приглашен только Ю.И.Полянский. Он зачитал свой хвалебный отзыв, а затем вызвали и меня. В числе присутствовавших на заседании членов ВАКа единственным биологом был Лысенко (тогда заместитель председателя ВАКа). Сесть мне не предложили, я стоял, как ученик на экзамене. Лысенко задал мне два вопроса: "Почему в своей диссертации Вы высказываете взгляды, противоречащие воззрениям К.А.Тимирязева? Как Вы трактуете в своей диссертации природу гена?". Я кратко ответил, что моя работа имеет чисто цитогенетический характер; Тимирязев же в своих трудах цитогенетики никогда не касался, поэтому никаких противоречий Тимирязеву в диссертации нет. Природу гена я в диссертации не обсуждал и не затрагивал, но многократно упоминал гены, считая их общепринятыми материальными единицами наследственности. После этого мне предложили покинуть зал, и я снова удалился в прилегающую к залу комнату. Оттуда достаточно ясно доносились голоса, но слов разобрать было нельзя.

Сперва в течение 40 мин. (я смотрел на часы) слышался хриплый голос Лысенко; затем недолго возбужденно говорил Ю.И.Полянский. После этого он вышел ко мне и сказал, что моя диссертация провалена, так как Лысенко охарактеризовал меня как убежденного вейсманиста-менделиста-морганиста и категорически потребовал отклонения моей диссертации. Положительный отзыв Ю.И.Полянского и его заключительное выступление в мою защиту не помогли. Я до сих пор с восхищением и благодарностью вспоминаю этот поступок Ю.И.Полянского, требовавший в той обстановке подлинной большой отваги.

Вторую докторскую диссертацию, посвященную изучению генетического полиморфизма и естественного отбора в природных популяциях животных, я защищал семь лет спустя, и она была утверждена ВАКом на заседании, где отсутствовал Лысенко. Добавлю, что свою первую докторскую диссертацию (забракованную ВАКом) я издал в 1939 г. в Киеве на украинском языке в виде отдельной монографии. Много лет спустя (в 1958 г.) я получил из США отгиск статьи известного американского генетика Д.Линдслея (в соавторстве с А.Сандлером), напечатанной в журнале "Дженетикс". В ней сообщалось, что авторы перевели мою изданную в Киеве монографию, экспериментально проверили мои опыты, полностью подтвердили сделанные выводы и высоко оценили их значение (а в параллельном письме мне Линдслей поздравил меня с "отличными давними новаторскими результатами"). С тех пор эту книгу неоднократно положительно цитировали в мировой генетической литературе (насколько я знаю, в последний раз в 1978 г. японские генетики Ямамото и Миклос в журнале "Хромосома"). Очень сходная история произошла с прекрасной первой докторской диссертацией А.А.Прокофьевой-Бельговской, которую тоже в те же годы забраковал ВАК по требованию Лысенко; вторую ей пришлось защищать много лет спустя.

Широкая антигенетическая кампания в прессе, возглавляемая Лысенко и Презентом, сначала трактовала генетиков как научных противников "мичуринской биологии", затем стала изображать их идеологически вредными личностями и, наконец, как политических врагов советского строя. Больше всего было нападок на выдающихся передовых отечественных биологов — противников Лысенко — Н.К.Кольцова и Н.И.Вавилова (я был одним из учеников и сотрудников того и другого). В 1939 г. о Кольцове и его деятельности была напечатана разгромная статья в "Правде"; вслед за этим комиссия, назначенная Президиумом АН СССР, в состав которой, конечно, входил Лысенко, осудила направление работы Кольцова и созданного и руководимого им Института экспериментальной биологии, завоевавшего мировую известность. На основании решения этой комиссии Коль-

цова сняли с поста директора института, а институт был полностью реорганизован и превращен в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии. Травля подорвала здоровье Кольцова, и через несколько месяцев он в возрасте 67 лет скончался от инфаркта. В 1940 г. по ложному доносу был арестован и приговорен к расстрелу Н.И.Вавилов, но этот приговор не был приведен в исполнение. После двухлетнего пребывания Вавилова в камере смертников (в тяжелейших условиях, без права передач и переписки, без сведений о семье) расстрел был заменен 20-летней тюрьмой, но менее чем через год в возрасте 55 лет он умер в Саратовской тюрьме от истощения и погребен в общей могиле, так что точное место захоронения этого крупнейшего ученого неизвестно.

Последний раз я видел Н.И.Вавилова летом 1940 г., за несколько дней до его ареста. Он проездом остановился в Киеве, направляясь в свою последнюю экспедицию в западные области Украины, где и был арестован. Будучи в Киеве, он, близко знавший меня по работе в Институте генетики и хорошо ко мне относившийся, зашел ко мне в лабораторию; но ему сказали, что я ушел домой обедать. Жил я в пяти минутах ходьбы, и Николай Иванович пришел ко мне, пообедал вместе с нашей семьей. Расспрашивал о работе, говорил о своих планах, рассказывал о научных новостях, шутил с детьми. Как всегда, был бодр, полон сил, неотразимо обаятелен. Таким он и остался в моей памяти.

Совершенно случайно мне довелось узнать об одном из последних дней Н.И.Вавилова. Вскоре после Победы, кажется в 1947 г., в Москве состоялась всесоюзная конференция по эмбриологии и гистологии. Из Института зоологии АН УССР туда были командированы Н.Н.Синицкий и я. Гостиницы АН СССР тогда еще в Москве не существовало, было общежитие для приезжих, которое находилось на набережной Москвы-реки. Нас поселили в номере на троих; соседом нашим оказался бывший военно-морской инженер, служивший в войну на Балтийском флоте. Из разговора со мной и Синицким он узнал, что мы биологи, и сказал, что знал одного биолога — академика Вавилова. Далее он рассказал нам следующее (я хорошо запомнил его слова и могу передать их почти со стенографической точностью). После ранения и поправки в госпитале он был демобилизован и в 1942 г. получил работу заведующего центральной отопительной системой Саратовской тюрьмы. Там ему сказали, что в тюрьме содержится академик Вавилов, и показали его. Это было за несколько дней до смерти Вавилова, когда его перевозили из камеры в тюремную больницу. Он был очень худ и так слаб, что идти сам не мог, его вели под руки два санитаря; а он "громко ругал последними словами какого-то Лысенко, по чьим доносам он попал в тюрьму". К сожалению, ни я, ни Синицкий не записали фамилии и адреса этого инженера, так как знали, что сообщенное им о Н.И.Вавилове мы никому не сможем рассказать: это тогда — и в течение многих лет потом — было слишком опасно.

Как известно, вслед за Н.И.Вавиловым были арестованы и погибли в бериевских застенках некоторые его ближайшие сотрудники и многие другие видные советские генетики и селекционеры. Упомяну только тех из них, которых лично хорошо знал и чью гибель поэтому особенно тяжело пережил. Это были: Г.А.Левитский, крупный цитогенетик; Г.Д.Карпеченко, первый в мире генетик, который экспериментально создал новый вид растений, используя для этого межвидовую гибридизацию с последующей полиплоидизацией (он погиб в самом расцвете творческих сил, в возрасте 43 лет); С.Н.Левит, врач, ученик и сотрудник А.С.Серебровского, а затем основатель и директор первого в Советском Союзе (и одного из первых в мире) Медико-генетического института, распущенного после его ареста; М.Л.Левин, талантливый, высокоэрудированный биолог, председатель существовавшего тогда в Москве Общества биологов-материалистов; (Левин был венгерским коммунистом, деятельным участником венгерской революции, после подавления которой эмигрировал в СССР; он много сделал для пропаганды новейших достижений биологии, активно боролся с неоламаркизмом, в том числе и со взглядами Лысенко).

Апогеем монопольного влияния Лысенко в советской биологии стала известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Как проходил разгром генетики на этой сессии, описано много раз, и я об этом говорить не буду. Скажу только, что, после того как в конце сессии Лысенко объявил об одобрении Сталиным текста его доклада и это было широко оповещено прессой, любые печатные или открытые устные возражения Лысенко стали невозможными. Более того, ряд советских ученых, занимавших видные посты в Академии наук СССР и в других научных учреждениях, начали восторженно восхвалять в докладах и статьях проповедуемые Лысенко антинаучные взгляды, отрицать и поносить генетику, хотя отлично понимали нелепость своих утверждений. Чего только не сделаешь ради карьеры! К числу таких восхвалявших Лысенко лиц относились, например, глава Биологического отделения АН СССР академик А.И.Опарин, академик Б.А.Келлер, члены-корреспонденты АН СССР Х.С.Коштоянц, Н.И.Нуждин, профессора А.Н.Студитский, П.Н.Лобанов, В.Н.Столетов, академик АН УССР П.А.Власюк, академик АН БССР Н.В.Турбин (все по специальности биологи) и др.

На Украине в первых числах сентября 1948 г., т.е. сразу после сессии ВАСХНИЛ, было создано широкое трехдневное собрание научной общественности, которое проводилось в Киеве в зале Верховного Совета УССР. На этом собрании М.А.Ольшанский, один из ближайших соратников Лысенко, сделал большой доклад об итогах августовской сессии ВАСХНИЛ. Собрание было проведено примерно по тому же сценарию, что и сессия.

Сначала Ольшанский подробно пересказал содержание доклада Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ и заключительную резолюцию этой сессии, в которой восхвалялась "мичуринская биология", т.е. воззрения Лысенко, и осуждались в самых резких выражениях вейсманисты-менделисты-морганисты как совершенно бесплодные в научном и практическом отношении представители реакционной буржуазной идеологии в биологии. Потом он поведал собравшимся, что на Украине передовая мичуринская агробиологическая наука быстро распространяется, предложенные Лысенко методы используются все шире в работе селекционеров и во всем сельском хозяйстве, и сказал, что благодаря этому уже достигнуты крупные практические успехи. Однако когда он постарался подтвердить эти успехи несколькими примерами, то сделал это весьма неубедительно, так как не показал количественно, насколько применявшиеся в этих примерах лысенковские рекомендации повысили урожайность по сравнению с получаемой без соблюдения этих рекомендаций (обычный прием, которым Лысенко и его последователи "доказывали" практическую ценность предлагаемых ими методов для растениеводства и животноводства).

После этого Ольшанский перешел к разоблачению менделизма-морганизма на Украине, который, по его словам, усилился за последние годы. Это выявилось в проникновении приверженцев менделизма-морганизма на руководящие посты некоторых институтов Академии наук УССР, кафедр ряда университетов, сельскохозяйственных и медицинских институтов республики. Перечислив некоторых наиболее видных представителей, в том числе и И.И.Шмальгаузена, ученого мировой известности, Ольшанский в качестве примера более подробно охарактеризовал четырех украинского менделистов-морганистов, которые, по его словам, являлись особенно оголтелыми антимишуринцами, заядлыми приверженцами формальной менделеевско-морганизовской генетики и работы которых порочны в научном отношении и бесплодны для практики, а педагогическая деятельность дезориентирует студентов и вредит им. Это Н.Н.Гришко, Л.Н.Делоне, И.М.Поляков и С.М.Гершензон.

Все четверо были изображены в самых черных красках, но больше всего попало Н.Н.Гришко и мне. Вот что Ольшанский сказал про меня: "В Институте зоологии подвизается профессор С.М.Гершензон, который работает над проблемой "наследственность отбора". В полном согласии со Шмальгаузенем и на той же теоретической основе он изучает влияние химических факторов на мутационный процесс

с целью выяснения его механизма" (поясню, что тут Ольшанский говорил о моих работах 1939 и 1940 гг. по вызыванию мутаций у дрозофилы с помощью ДНК, которыми я горжусь, так как они были первыми в мире экспериментальными исследованиями, связавшими ДНК с генетикой; впоследствии они были подтверждены на разных объектах во многих советских и зарубежных лабораториях и получили мировое признание).

Далее Ольшанский продолжает: "Для характеристики содержания генетических трудов Института зоологии Академии наук УССР достаточно ознакомиться с содержанием "Сборника трудов по генетике", изданного в 1941 г. Вот над какими "проблемами" работает коллектив этого института: Гершензон — "Новые данные по генетике природных популяций дрозофила"; Скарба — "Генетическое исследование плодовитости и стерильности в природных популяциях дрозофила" (тут в брошюре сказано: "*В зале оживление*"). Затем Ольшанский перечисляет заглавия еще десяти статей сборника, посвященных изучению генетического строения и естественного отбора у дрозофилы, и так заканчивает рассказ об этом сборнике (статьи которого впоследствии неоднократно высоко оценивались в мировой литературе по генетике популяций и микроэволюции): "Понятно, почему академик Перов менделистов-морганистов назвал на сессии "мухачами". Действительно, настоящие "мухачи" (в брошюре, в скобках: "*смех, аплодисменты*")".

Говоря о моей преподавательской работе в Киевском университете, Ольшанский сказал: "Программа по курсу "Генетика животных", составленная профессором Гершензоном, выгодно отличается от разобранного мною учебника Гришко и Делоне тем, что в ней предусмотрено преподавание формальной генетики без какой-либо фальсификации или предостережений. Тут полностью излагается менделизм, за ним — "материальные основы наследственности", то есть учение про вещество наследственности, затем — генетические теории пола, модификации и так далее. Программу можно было бы считать целиком выдержанной в менделевско-моргановском духе с "похвальным" размещением материала, который позволяет наиболее доходчиво втолковывать в головы студентов и создать иллюзию экспериментальной доказательности формально генетических спекуляций, если бы не последний, XVI раздел программы "Буржуазные извращения генетики", заканчивающийся словами: "Видная роль Тимирязева и Лысенко в борьбе с буржуазными извращениями в генетике".

По поводу последней фразы я должен дать разъяснение. Этот последний раздел составленной мной программы содержал критику антинаучных попыток посредством ссылок на генетику создать видимость обоснованности некоторых реакционных политических концепций, существующих за рубежом. Ни Тимирязев, ни Лысенко не упоминались в тексте программы, которую я передал для утверждения тогдашнему декану биофака Киевского университета, заведующему кафедрой зоологии позвоночных А.П.Корнееву, а он, как редактор всех программ биофака, вписал в последний раздел моей программы эти две фамилии, сказав мне, что без их упоминания он не подпишет программу в печать. Он явно следовал духу времени.

После Ольшанского на этом собрании выступили многочисленные лысенковцы или люди, решившие, что им выгодно стать таковыми. Все они восхваляли Лысенко, его "мичуринскую агробилогическую науку" и всячески поносили "формальную генетику", "вейсманизм-менделизм-морганизм". За малыми исключениями, выступавшие были совершенно неизвестными в науке людьми. Потом по очереди было дано слово всем четырем подвергавшимся осуждению "менделистам-морганистам". Чтобы было яснее, в какой обстановке нам предстояло выступать, расскажу, как меня готовили к этому выступлению.

Накануне собрания меня вызвал секретарь парткома АН УССР т.Исакович (тогда при Президиуме АН УССР существовал парткомитет на правах райкома КПСС). Он настоятельно предложил мне в предстоящем выступлении хотя бы в общей форме покритиковать мои генетические работы и непременно признать

какие-то достоинства учения Лысенко, ничем не порочить его. В случае отказа от его совета, сказал он, мне предстоит исключение из партии и увольнение с работы в АН УССР. "Не забывайте, — добавил он, — ведь к тому же всем известно, что до переезда в Киев вы были учеником и сотрудником врага народа Вавилова". Примерно так же велась подготовка к выступлениям и остальных троих "менделистов-морганистов", избранных для проработки на собрании.

Когда на этом собрании дошла очередь до моего выступления, я не стал отказываться от основных положений генетики, ограничился признанием, что в советской генетике имелись элементы, заслуживающие критики. Так, не давалось должного отпора зарубежным попыткам использовать генетические данные для обоснования расизма, социал-дарвинизма, реакционных евгенических мероприятий. Я признал, что своими работами не помогал практике растениеводства и животноводства; признал, что Лысенко правильно стремится поставить науку на службу народного хозяйства. В таком же духе выступили Гришко и Делоне; Поляков же полностью отверг классическую генетику и объявил себя верным последователем учения Лысенко. Происходившее на собрании стенографировалось. Мы, четверо обвиняемых, просили показать нам стенограммы наших выступлений, но в этом было отказано. А в напечатанном затем отчете о собрании наши слова были почти до неузнаваемости искажены. Говорю об этой фальсификации потому, что в № 2 журнала "Огонек" за 1988 г. в очерке В.Сойфера о лысенковщине упомянуто в совершенно искаженном виде мое тогдашнее выступление; он, по-видимому, использовал напечатанный отчет (сам Сойфер на собрании, конечно, не присутствовал: он был тогда еще ребенком).

В своем заключительном слове Ольшанский сказал, что борьба мичуринцев с вейсманистами-морганистами является формой классовой идеологической борьбы социализма с капитализмом, а победа революционного мичуринского учения над реакционным учением вейсманистов-менделистов-морганистов имеет величайшее значение в усилении основ марксистско-ленинского мировоззрения и в практике социалистического строительства. Он призвал беспощадно разоблачать тех, кто продолжает отстаивать лженаучное реакционное учение Вейсмана — Менделя — Моргана, как бы они ни маскировались. Все это приблизительно в таких же выражениях, но в более развернутом виде было отражено в резолюции, принятой собранием. В этом документе была повторена и поименная критика тех украинских генетиков (в том числе, конечно, и меня), которых распекал в своем докладе Ольшанский, и было сказано, что они "нанесли существенный вред развитию агробιологической науке, подготовке кадров и принесли убытки народному хозяйству, препятствуя распространению передовой мичуринской науки".

После августовской сессии ВАСХНИЛ и аналогичных собраний, проведенных в разных республиканских и областных центрах страны, наступило безраздельное властвование Лысенко и лысенковщины в нашей биологии и агрономии. Естественно, это отразилось и на моей судьбе. Я, как и еще более ста профессоров и доцентов, читавших генетику в университетах и других вузах, был объявлен "антимичуринцем" в приказе министра высшего образования С.В.Кафтанова и этим приказом уволен из Киевского университета, где читал основные курсы генетики и эволюционного учения, несколько генетических спецкурсов, руководил аспирантами и научной работой кафедры, которой заведовал. Лаборатории, которые возглавляли генетики, были везде закрыты или полностью преобразованы в чисто лысенковские. Отдел генетики Института зоологии АН УССР, которым я заведовал, сейчас же после киевского собрания также был ликвидирован, а сотрудники уволены.

Меня вызвал вице-президент АН УССР Н.П.Семененко и предложил мне подать заявление об освобождении от работы в АН по собственному желанию. А когда я отказался сделать это, он сказал: "Ну, тогда нам придется уволить вас по уже подготовленному приказу как неперспективного научного работника". Уйдя от Семененко, я попытался попасть к президенту АН УССР А.В.Палладину, но

он отказался принять меня. Понимая, что с формулировкой об увольнении, даваемой в приказе, я никуда не смогу устроиться на работу, а на моем иждивении тогда находились больная жена и трое маленьких детей, я решил в тот же день ехать в Москву в ЦК партии и просить там как-то защитить меня. В бюро пропусков ЦК мне отказались дать пропуск в Отдел науки, о чем я просил, но позволили позвонить в этот отдел. Я поговорил с инструктором М.Ф.Жениховой, с которой был хорошо знаком по совместной работе на кафедре генетики МГУ, возглавляемой А.С.Серебровским (я работал там по совместительству в должности доцента, а Женихова была в то время аспиранткой). Она сказала мне: "Вы понимаете, что я мало чем могу Вам помочь, но позвоню в Президиум АН УССР, чтобы Вас не уволяли, а дали какую-нибудь другую работу в системе Академии". Вернувшись в Киев, я узнал, что меня перевели научным сотрудником в другой отдел Института зоологии АН УССР, где занимались экологией дубового шелкопряда, в те годы разводимого в промышленных масштабах в колхозах северных районов Киевской области и в южной части Белоруссии.

Но и там мне не давали работать спокойно. Не прошло и месяца, как в партбюро Института зоологии подал заявление член КПСС профессор И.Г.Пидопличко (заведующий отделом палеонтологии института) с требованием исключить меня из партии, так как, по его убеждению, мировоззрение менделистов-морганистов несовместимо с их пребыванием в партии. Это заявление разбиралось в моем присутствии на заседании партбюро и после довольно бурного обсуждения было отклонено только благодаря защите меня моими партийными коллегами Е.М.Емчук и А.П.Маркевичем (вместе с ними во время эвакуации АН УССР в Уфу я вел ответственную оборонную работу, за которую мы были награждены правительственными грамотами и медалями). А через год после этого дирекция Института зоологии получила настойчивое указание того же вице-президента АН УССР Н.П.Семененко уволить меня "по сокращению штатов", мотивируя это нежелательностью работы менделистов-морганистов в системе Академии.

Тут снова пришлось повоевать, пока институту удалось отказаться от выполнения данного указания. Но этим не кончилось: спустя год с лишним Н.П.Семененко предпринял еще одну попытку изгнать меня из АН УССР, на этот раз под предлогом тогда развернутой "борьбы с космополитизмом". Мне особенно вменялось в вину, что в 1945 г., т.е. еще во время войны, я напечатал в США (в журнале "Дженетикс") свою работу по генетическому полиморфизму и естественному отбору у хомяков, написанную к тому же "полностью с позиций менделизма-морганизма". Отбиться удалось потому, что у меня сохранилось письмо президента АН УССР А.А.Богомольца, написанное еще в то время, когда Академия была в эвакуации в Уфе, в котором он просит меня дать какую-нибудь новую свою научную работу для публикации в Америке, так как Академия наук СССР хочет показать мировой научной общественности, что украинская наука не уничтожена войной, а продолжает функционировать. В этом письме Богомолец просит передать лично ему рукопись статьи (на английском языке), а он по своим московским академическим каналам обеспечит отправку ее в Америку для напечатания. Добавлю, что эта моя работа в значительно расширенном виде была вскоре затем опубликована у нас в "Журнале общей биологии", а с тех пор она много раз и до самого последнего времени цитировалась и излагалась в отечественной и зарубежной литературе по генетике популяций и микроэволюции. Из моих работ она получила наиболее широкую известность.

Собрание в зале Верховного Совета УССР и доклад Ольшанского подробно описывались в республиканских и киевских городских газетах, где при этом без стеснения поносились нехорошими словами три из четырех фамилий генетиков, избранных Ольшанским в качестве первоочередных жертв его нападок (фамилия Полякова не упоминалась или упоминалась снисходительно, так как на собрании он объявил свой безоговорочный переход в сторонники Лысенко). Затем примерно в течение года фамилии Гришко, Делоне и моя служили в республиканской и

городской прессе предметом насмешек и самого сурового осуждения. Это же происходило на различных научных, партийных и профсоюзных собраниях, в лекциях, читаемых студентам в Киевском и Харьковском университетах, в педагогических, сельскохозяйственных и медицинских вузах Украины. Поэтому наши три фамилии, сопряженные с порочащими их прилагательными, стали известны не только в научных кругах республики, но и далеко за ее пределами. В течение нескольких лет после августовской сессии ВАСХНИЛ и собрания в зале Верховного Совета УССР мы трое чувствовали себя незаслуженно превращенными в оклеветанных изгоев. Это выражалось для меня и в том, что со мной "раззнакомились" не только некоторые коллеги по работе, но и кое-кто из моих бывших сотрудников и учеников (они избегали меня, при случайных встречах не заговаривали, а в лучшем случае ограничивались кивком головы или обходились и без этого). И так продолжалось почти десять лет, а полностью прекратилось только после 1965 г., когда порочность лысенковщины была официально признана Академией наук СССР и другими руководящими наукой инстанциями.

Правда, в описанной ситуации были и приятные исключения. Так, после моего выступления по докладу Ольшанского я получил два письма, в которых в горячих выражениях высказывалось сочувствие мне и восхвалялась моя "отвага"; но эти письма были анонимными, их авторы побоялись указать свои фамилии. Были и коллеги, которые в разговорах с глазу на глаз при встрече со мной говорили о своем возмущении Лысенко и его бреднями и выражали солидарность с моей приверженностью настоящей генетике. В этой связи я с особой теплотой вспоминаю выдающегося гидробиолога, ныне покойного А.В.Топачевского и физиолога растений К.М.Сытника, бывшего потом вице-президентом АН УССР (в настоящее время он является директором Института ботаники).

Вернуться к генетике и к опытам с моей любимой дрозофилой я смог только после десятилетнего перерыва, в 1957 г., а полностью развернул эту работу, когда в Институте зоологии АН УССР был восстановлен отдел генетики и я был вновь назначен его заведующим.

Примечание

Как курьез отмечу, что в ней отсутствовал список использованной литературы, главным образом зарубежной, так как этот список был вычеркнут республиканским Главлитом (в те годы запрещалось упоминать в наших изданиях зарубежные источники).